Мать Итами заболела, когда он учился еще в средней школе.

Чтобы остановить мужа, который становился все более и более жестоким, она взяла нож с кухни.

Это была самооборона. И ничего иного нельзя было сделать.

Полиция, адвокаты, детективы и люди из женского консультационного учреждения пришли, чтобы утешить ее. Однако мать Итами не могла перестать ненавидеть себя.

Она продолжала бить себя, хотя ничего другого и не могла сделать.

Ее постепенно разрывали изнутри боль от потери любимого мужа, гнев и ненависть к «человеку», который убил его, и беспокойство за будущее ее ребенка.

Его мать, чтобы спасти свою душу, начала отрицать реальность. Это было единственное, что она могла сделать. Итами теперь понял, как его матери удавалось хоть как-то жить.

Но в то же время Йоджи не понимал, почему она это сделала.

Правильно или неправильно, важно поддерживать равновесие. В конце концов, спасти всех в мире просто невозможно. Однако молодой Итами не понимал этой логики.

Каждое утро, каждую ночь он видел своего отца. Это заставляло его волноваться, затем злиться, а затем...

“Папа мертв. Ты убила его.”

Если бы он этого не сказал...

Много раз он представлял себе, что возвращается к тому моменту, как в тех ранобэ, где люди могли путешествовать во времени. Он мечтал об этом. Он хотел, он умолял, чтобы ему выпала возможность вернуться в прошлое. Если бы Итами только мог вернуться к тому моменту, он бы сделал все по-другому. Он мог бы это сделать. Он все время думал об этом. Однако время нельзя было отмотать назад и изменить реальность. Вот почему это была реальность.

Если бы он мог сойти с ума, как его мать, это тоже было бы хорошо. Но он не мог.

Итами видел, что его мать медленно погибала. Если кто-то бросит лягушку в кипящую воду, она немедленно выпрыгнет. Но если положить ее в холодную воду и медленно разогреть, она останется там и сварится заживо. Таким образом, безумие матери Итами все росло и росло, и было трудно сказать, когда это все выплеснется наружу. Затем, через некоторое время, она сломалась прямо перед глазами Йоджи. Его мать подожгла себя.

Она была принудительно госпитализирована, потому что было опасение, что она поставит под угрозу свою жизнь или жизни других людей.

Ее госпитализировали в соответствии с законом. Это было сделано без ее согласия или с согласия ее родственников. Когда плата за палату в больнице стала слишком велика, этим делом занялось правительство.

Все, что мог сделать Итами — это смотреть, как его мать кричала: «Я не хочу быть здесь, я хочу, чтобы меня выписали!» Но он просто не мог жить со своей матерью, которая была в таком состоянии. Поэтому после слов «в соответствии с законами» ему стало легче. Йоджи

больше не нужно было чувствовать вину за ее госпитализацию.

“Это обязательно, так что ничего другое не поможет. В конце концов, это закон.”

Тяжелый металлический звук закрытия железных дверей до сих пор звучал в ушах Итами.

Да, это была не обычная больница.

Можно было видеть, как пациенты беседуют друг с другом в коридорах больницы.

Поскольку они не были физически больны, их тела были здоровыми, и большинство из них носили обычную одежду. Они ничего не делали, но оставались в больнице.

Они завтракали, общались, обедали, а потом ждали ужина.

И затем, когда они понимали что с ними произошло, проходило десять или, может быть, двадцать лет. Нет, для некоторых из них проходило даже больше тридцати. Тем не менее, их психологический возраст оставался равным тому, когда их госпитализировали. Но у них не было шанса получить тот жизненный опыт, которым должны были обладать люди их возраста или прожить счастливую жизнь. Это было достаточно сложно — просто пытаться вытерпеть ту боль, которую причиняли им их болезни.

Палаты в психиатрических больницах были похожи на большие японские комнаты, где люди лежали на полу и спали рядами. Хотя называть подобные комнаты палатами было неправильно. Однако именно так все и было. Только недавно больницы начали давать каждому отдельному пациенту свои кровати.

Если пройтись по территории такой больницы, то можно было увидеть, как некоторые курят и выбрасывают окурки в пустую банку из под томатного сока и используют ее в качестве пепельницы.

Это были наиболее стабильные пациенты. Иногда можно было увидеть более серьезные случаи.

Например, те, кто говорили с пустотой.

Были люди, которые куда-то карабкались, стараясь подняться как можно выше, и подростки, которые гневно кричали на таксофоны.

Многих поили мощными лекарствами, и они блуждали по коридорам с пустыми, успокоившимися лицами.

Были девушки, которые бегали голыми.

А также человек в подгузнике, привязанный к кровати, который кричал, пока его горло не начинало болеть.

В больничном воздухе было уникальное зловоние, и это был не только сигаретный дым. Чтобы предотвратить самоубийства, двери в ванной были низкими, и висели высоко от пола, и можно было определить, находился ли кто за ними.

И Итами бросил свою мать в таком мире. Это все, что он мог сделать.

Когда Тука прижала к себе руку Курокавы, она улыбнулась и рассмеялась вместе с солдатами

вокруг нее. Не было никаких признаков того, что эльфийка сошла с ума. Но если Итами оставит ее в покое, она вполне могла бы дойти до такого состояния, как и его мать. Нет, она определенно закончила бы так же.

И, к сожалению, современная психиатрия еще не нашла лекарства.

Все, что можно было сделать — это назначить лекарства для облегчения симптомов. Неизлечимых людей нельзя вылечить. Единственное, что можно было сделать, это накачать их лекарствами и подождать, пока они поправятся.

Итами понадобилось более десяти лет, чтобы понять это. Поэтому он почувствовал, что, если он собирается спасти Туку, ему придется это сделать сейчас.

В тот день в прошлом он ничего не мог сделать.

Тогда он был просто ребенком.

Но, что с ним сейчас?

Он все еще не может ничего сделать?

Возможно, если Тука убьет Огненного Дракона, который убил ее отца, это могло бы помочь ей. Возможно, если она примет смерть своего отца и отомстит за него, это может остановить ее ненависть.

Однако это была очень рискованно, и это был самое страшное.

Итами не мог заставить другого человека отдать свою жизнь.

Йоджи мог только взять свою фигуру, поставить ее на доску и сделать свой ход, не имея права на ошибку.

Однако...

“Это все, что я могу сделать?”

Хоть он уже и согласился с тем, что у него не было другого выбора, битва с Огненным Драконом все еще сильно пугала его.

* * *

Было близко к полуночи. Итами сидел на одной из скамеек перед дверьми в госпиталь.

Дул приятный ночной ветер. Итами держался за голову и бормотал: «Что мне делать...?»

Через четыре или пять минут он услышал металлический звук, приближающийся к нему. Силуэт человека вырисовывался из темноты и стоял прямо перед ним.

“ Молодой человек, я могу сесть здесь?”

Человек, что подошел к Итами, был стариком. Нет, он должен был быть моложе. Однако бесчисленные морщины, покрывающие его лицо, заставляли его выглядеть пожилым

человеком. От него исходил металлический шум, когда он шел, потому, что вместо левой ноги у него был протез. Старик говорил на языке Особого Региона, а не на японском.

Обиженный присутствием этого человека, Итами тут же подвинулся, чтобы освободить место.

Кроме того, здесь были другие скамейки. Но не нужно было усложнять этому человеку жизнь, если он хотел присесть рядом с Йоджи.

“Ухх… Я прихожу сюда каждую ночь. Запомни.”

Старик, похоже, еще не привык к своему протезу и приложил много усилий, чтобы сесть.

“Ну, юноша, о чем ты беспокоишься, и тем более в такой час?”

“Вероятно, это не имеет никакого отношения к Вам, папаш.”

“Ну, раз так, тогда забудь о том, что я сказал. Если не хочешь говорить, то все в порядке.”

Человек глубоко вздохнул. Он, казалось, был увлечен звуками, которые издавала его искусственная левая рука при движении.

“Я до сих пор не понимаю, как делаются такие изысканные предметы. В вашем мире все люди с отсутствующими руками и ногами пользуются подобным?”

Итами был раздражен этим человеком, пытающимся завязать разговор. Но Йоджи не мог выставить силы самообороны в плохом свете, будучи грубым, поэтому он должен был поддержать беседу.

“Эмм… Ну, не все… Но, по большей части, да. Почти у всех таких людей есть протезы.”

“ Врач сказал, что я смогу нормально ходить после того, как мне их поставили, но я, все же, не совсем верю в это.|”

“ Некоторые люди с искусственными конечностями могут бегать быстрее обычных людей…”

Старик был в шоке, и он выпытывал у Итами все подробности. По словам Итами, люди на Паралимпийских играх могли благодаря протезам устанавливать рекорды, которые нормальным людям было бы трудно побить.

“Понятно… Ну, похоже, ты можешь говорить, когда дело касается интересующей тебя темы. Хорошо, остановимся тогда на этом. Расскажи мне: что же тебя так сильно беспокоит, что ты сидишь здесь так поздно?”

“ Эмм?”

“Мужчина не должен быть неуверенным. Это позорно.”

Итами стало любопытно, как он начал говорить со стариком, не понимая этого. Немного поразмыслив, Йоджи понял, что ему есть что обсудить с ним.

Тем не менее, Итами пришел в госпиталь чтобы найти и поговорить с социальным работником, специализирующегося на проблемах психиатрии.

Этот социальный работник не был похож на обычного человека. Скорее, он казался довольно

андрогинным*. У него была коротка стрижка, и он носил круглые очки. Хоть его белая одежда и позволяла людям понимать, что он медицинский работник, у него не было той самой ауры доктора. Вместо этого люди могли ошибочно принять его за интерна.

“О, лейтенант Итами. Что Вы здесь делаете в такой час?”

“Вообще-то, у меня есть кое-что, о чем я бы хотел проконсультироваться со специалистом…”

Этот социальный работник был здесь ради Норико. Он отвечал за консультирование и помощь в выздоровлении.

Итами был очень удивлен, узнав, что человек, работающий с Норико, был мужчиной.

Большинство людей, которые пережили то же, что и Норико, боялись мужчин. И, по правде говоря, во многих случаях женщинам-жертва лучше было бы общаться с женщинами-психологами. Однако в случае Норико врач решил, что мужской психолог будет лучше.

В противном случае она, возможно, никогда больше не сможет доверять мужчинам, и ее беспокойство может привести к фобии. Если это случится, то она не сможет заново полюбить или выйти замуж и иметь детей.

Конечно, сначала было бы очень сложно. Тем не менее, важно было различать страшных мужчин и не страшных мужчин. Этот шаг был выполнен довольно легко, потому что Норико знала Итами и других солдат сил самообороны.

Итами и Томита не казались ей страшными. Йоджи познакомил ее с этим социальным работником. Кстати, именно так сам Итами и познакомился с ним.

Этот врач был довольно необычным человеком. Он прошел курс подготовки сержантов и ушел в отставку в звании сержанта, прежде чем отправиться в университет. Он был пропущен через Врата в качестве временного военнослужащего.

Итами сидел напротив социального работника и медленно объяснял все.

Он рассказал историю о дочери, чей отец был убит.

“Убить убийцу ее отца и тем самым отомстить — единственный способ спасти ее?”

Социальный работник пожал плечами и ответил, что все, что можно сделать, это понаблюдать за ситуацией и реагировать соответствующим образом.

“Потому что кое-кто уже мне посоветовал сделать это.”

Найти врага и наказать его. В наше время жертвы преступления и члены их семей успокаивались тогда, когда полиция арестовала преступника и передавала его в суд. Преступнику выносили приговор и наказывали.

Конечно, это не исключало благородной идеи прощения нарушителя, но это обычно происходило только в том случае, если жертва имела какой-то религиозный или философский мотив, который позволял ей простить преступника. В этом случае, когда жертвы и их семьи прощали преступника, их сердца и души очищались.

“Другими словами — месть не важна?”

“Именно так. Кто знает, это может действительно быть неважно. Однако это «неважное» дело может дать людям силы двигаться вперед. Если человек не хочет быть прикованным к чему-то неважному, то это тоже хорошо. Вам нужно покончить с этим. Сердце человека должно смириться.”

После того, как Итами услышал это, он начал думать. Йоджи должен победить Огненного Дракона, чтобы спасти Туку?

Когда он понял это, старик делился своим мнением по поводу Туки.

“ Мне кажется, он прав. Возможно, отмщение облегчит сердце этой девушки. Если бы я знал, что мои враги на свободе и делают то, что им нравится, я бы так разозлился, что даже не мог бы сидеть.”

“Тем не менее, противник очень силен.”

“ Что, ты боишься?”

“Эмм… Да, потому что это Дракон… Нет, если говорить по-вашему, то это Огненный Дракон.”

“ Что ты сказал?! Неподалеку появился Огненный Дракон?!”

Старик нахмурился.

Итами снова посмотрел на него, а затем кое-что понял. У старика была повязка на глазу, и он был покрыт ранами. На его лице были большие шрамы.

“Ну, из-за его местоположения мы не можем задействовать много сил. Если я займусь им с небольшой группой, большинство из нас просто погибнут.”

“ Твоя правда. Разумно биться в полную силу против сильного противника. Но я знаю одного ублюдка, который посылает свои войска небольшими частями или приказывает своим союзникам атаковать врага, не сообщая им ничего об этом враге…”

Это последнее предложение, похоже, сильно задело его.

“Даже если бы я и привел Туку к Дракону, мы вдвоем не сможем победить.”

“О, я понимаю. Ты не хочешь привлекать к этому невинных людей. Тем не менее, выйти против такого врага — просто самоубийство.”

“Именно так. Я знаю, что это невозможно, и это беспокоит меня”

“ Юноша. Даже если ты не хочешь убивать себя, придет время, когда тебе нужно будет сделать то, что ты вообще не хочешь делать. Чтобы все это не превратилось в самоубийство, тебе нужно пораскинуть мозгами и что-то придумать.”

Старик поднялся, когда закончил говорить.

Металлический звук исходил от его искусственной ноги, и его плечи качались вперед и назад, когда он ковылял. Затем он положил руку на плечо Итами.

“Иногда человек сталкивается с ситуацией, которая опасна, но с которой не может справиться. Иногда ты знаешь, что именно будет потеряно, но все равно нужно продвигаться вперед. Если

ты не можешь быть умным, тогда ты должен быть самым глупым человеком. Что думаешь по поводу этого?”

* * *

На следующий день Итами и третий разведотряд загружали вертолет.

Как обычно, Янагида приносил вещи, которые нужно было отправить в Имперскую Столицу. Убедившись, что его люди на месте, он присел.

Летчик говорил с Янагидой.

Тука пришла, чтобы проводить их. Она стояла у вертолетной площадки с Рори и Лелей.

Итами почувствовал всплеск разочарования, когда увидел плачущее лицо Туки. Но это было естественно. Его миссия заключалась в том, чтобы командовать своими людьми и защищать дипломатов. Затем он вернется и недолго побудет с Тукой до своей следующей миссии. И это все.

Йоджи мог проводить с Тукой очень мало времени.

После того, как Янагида закончил, он вышел из вертолета.

Когда задний люк закрывался, внутри Итами бушевало чувство обиды.

“Тогда мы уходим.”

Вдруг Итами неожиданно прокричал:

“Черт возьми!”

Йоджи повернулся к старшему сержанту Кувабаре, который стоял рядом с ним.

“ Прости, папаш. Я не лечу с вами.”

Шум вращающихся лопастей заглушил голос Итами.

“Что ты сказал?”

“Я ухожу! Я оставляю все на тебя!”

Он решил покинуть свою команду и выскочил из вертолета прямо перед тем, как закрылся люк.

Итами наблюдал, как третий разведотряд медленно улетал на вертолете.

http://tl.rulate.ru/book/18879/731676